

Социальное действие и знание в условиях сложности и частичной неопределенности

© 2019 г. В.М. Розин

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: Rozinvm@gmail.com

Поступила 11.05.2018

В статье рассматриваются особенности кризиса в современной социологии и социальных науках, некоторые направления его преодоления, значение в современной науке и практике трансдисциплинарных исследований и методологических разработок. Автор показывает, что данный кризис был обусловлен переходом в социальных науках от установок и проектов реализации естественнонаучного и гуманитарного подходов к междисциплинарным и трансдисциплинарным исследованиям и разработкам. Что привело к размыванию предмета и объекту социальных наук, появлению проблемы сложности и частичной неопределенности социальной реальности, серьезному противостоянию социологии с другими социальными науками. Рассматриваются несколько стратегий разрешения сложности и неопределенности, каждая из которых имеет существенные недостатки: в обход этой проблемы, что, по сути, представляет собой возвращение к методу проб и ошибок, стратегии гибкого управления и «форсайта», переход от анализа природы социальных явлений к их истолкованию. Более подробно, как выглядящую эффективной, анализируется концепция социогуманитарного проектирования, в которую вошли разработки отечественной методологии, социального проектирования и социального управления. Эту концепцию автор иллюстрирует на материале проекта «Донор», который был не только очень удачным (россияне пошли сдавать кровь и система донорства в России восстановилась), но и предоставил богатый материал для анализа социогуманитарного проектирования и социогуманитарных исследований, а также вклада в эти деятельности и практики со стороны философии и методологии.

Ключевые слова: стратегия, социальность, социальная реальность, социальное действие, эффективность, социология, социальная наука, практика, теория, знание, истолкование, человек.

DOI: 10.31857/S004287440007161-2

Цитирование: *Розин В.М.* Социальное действие и знание в условиях сложности и частичной неопределенности // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 46–54.

Social action and knowledge in conditions of complexity and partial uncertainty

© 2019 г. Vadim M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: Rozinvm@gmail.com

Received 11.05.2019

The article discusses the features of the crisis in modern sociology and social sciences, some ways to overcome it, the importance of transdisciplinary research and methodological development in modern science and practice. The author shows that this crisis was due to the transition in the social sciences from the attitudes and projects of the implementation of natural science and humanitarian approaches to interdisciplinary and transdisciplinary research and development. What led to the erosion of the subject and object of social sciences, the emergence of the problem of complexity and partial uncertainty of social reality, a serious opposition of sociology with other social sciences. Several strategies for resolving complexity and uncertainty are considered, each of which has significant drawbacks: bypassing this problem, which, in essence, is a return to trial and error, flexible management strategies and foresight, a transition from analyzing the nature of social phenomena to their interpretation. In more detail, the concept of socio-humanitarian design, which includes the development of national methodology, social design and social management, is analyzed as effective looking. The author illustrates this concept on the material of the Donor project (Project “Development of Mass Free Blood Donation” (V. Rozin, S. Malyavina, Y. Gryaznova, 2010), which was not only very successful (the Russians went to donate blood and donation system in Russia has recovered), but also provided a wealth of material for analyzing socio-humanitarian design and socio-humanitarian studies, as well as input to these activities and practices from philosophy and methodology.

Key words: strategy, sociality, social reality, social action, efficiency, sociology, social science, practice, theory, knowledge, interpretation, man.

DOI: 10.31857/S004287440007161-2

Citation: Rozin, Vadim M. ‘Social action and knowledge in conditions of complexity and partial uncertainty’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 46–54.

Важнейшей установкой социального ученого является желание улучшить жизнь человека. Правда, в способах улучшения ведущие представители социального цеха кардинально расходятся. Революционные преобразования (К. Маркс), реформы (Э. Дюркгейм, М. Вебер), правильная интерпретация социальной реальности (Б. Латур, З. Бауман) – вот крайние позиции среди многих других. Если сравнивать эти разные способы улучшения социальной жизни, можно заметить, что каждая из них обуславливает и свой способ представления социальной реальности (социальности), с эпистемологической же точки зрения – и свой специфический тип социального знания. Более очевидна эта закономерность была для первых двух этапов развития социальных теорий и социального знания. З. Бауман, имея в виду главным образом социологию, отмечает, что если для первого этапа было характерно желание реализовать естественнонаучный подход («Рожденная в суровые времена, – пишет Б. Латур, – социология пыталась подражать естественным наукам в уровне сциентизма» [Латур 2014, 344]), то для второго – как реакция на этот

подход и теорию К.Маркса попытка реализовать в социальных науках гуманитарный подход. «Мысль о том, что существует один, и только один, способ “быть наукой”, — пишет Бауман, — и что поэтому социология должна самоотверженно подражать естественным наукам, Вебер категорически отвергает... объяснить человеческое действие — значит понять его: уловить смысл, которым действующий субъект наделяет его» [Бауман 1996, 12–14].

В рамках естественнонаучного подхода социальные процессы описывались как линейные, детерминированные однозначными причинами, и искались социальные механизмы (что предполагало возможность рассчитывать и управлять социальными явлениями, этот момент отмечал М.Хайдеггер). А реализация гуманитарного подхода (например, в работе «Протестантская этика и дух капитализма») приводит к необходимости включать в социальные процессы деятельность человека, его идеи и другие факторы сознания (вмененности, ценности, мировоззрение и т.п.); они не просто нелинейные, но лежат в другой социальной реальности (культуры, истории, политике), в которой не действуют законы первой природы.

Третий этап Бауман связывает с ситуацией, когда во главу угла была поставлена не теория, а *практика*. Но я бы его охарактеризовал иначе: социологи перешли к междисциплинарным и трансдисциплинарным исследованиям; они стали активно использовать методы и понятия других социальных наук — истории, культурологии, экономики, психологии, антропологии, теории права, географии и некоторых других дисциплин. То же самое происходило и в других социальных науках: они переходят к междисциплинарным и трансдисциплинарным исследованиям. В данном случае трансдисциплинарными исследованиями я называю два научных дискурса: в первом логика привлечения и работы с разными методами и понятиями из других дисциплин задается принципами философии и методологии, во втором — такую логику вырабатывают эксперты сообществ, использующих социальные знания в практических целях (более подробно о трансдисциплинарном подходе см. книгу «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы», а также нашу статью в ВФ [Розин 2016]).

Примером подобного трансдисциплинарного исследования является работа Баумана «Актуальность холокоста». Бауман позиционирует себя как социолога, но, изучая холокост, он обращается также к истории (еврейского и немецкого народов), культурологии и философии (анализируя мистические и проективные идеи, на основе которых сложилось, как говорит Бауман идеология «дизайн-проектов» по переломке человека), к философии техники (описывая нацистскую технологию лишения немецких евреев имущества, прав, самой жизни), к институциональному анализу и социальной психологии (пытаясь объяснить происходившую в Рейхе катастрофическую трансформацию сознания разных слоев населения). Логика работы с понятиями и методами этих дисциплин задается у Баумана, с одной стороны, принципами методологии (историзма, системного подхода, проблематизации, распрямления), с другой — апелляцией к общественности, которая, по мнению Баумана, пытается сделать из холокоста случайное событие или необъяснимое уклонение от нормы. «Современная эпоха, — отмечает Бауман, — это время искусственного порядка и грандиозных социальных “дизайн-проектов”, время плановиков, визионеров и — в более общем плане — культивирующих нечто “садовников”, воспринимающих общество как целинную землю, которая должна культивироваться в соответствии с их планами». «Два самых известных и страшных случая современного геноцида (фашизм и коммунизм) не изменили духу современности... Они породили огромный и мощный арсенал технологий и организаторского искусства. Они произвели на свет институты, которые служат одной-единственной цели — смоделировать поведение человека до такой степени, что он будет продуктивно и энергично преследовать любую цель, причем независимо от того, получил ли он идеологическое обоснование или моральное одобрение со стороны тех, кто поставил перед ним эту цель. Эти мечты и усилия узаконивают монополию правителей на конечные результаты, а управляемым отводят роль средства. Они определяют большинство действий как средства, а средства должны подчиняться конечной цели — тем, кто ее поставил, высшей воле, высшему знанию» [Бауман 2010, 140, 117].

Бауман пишет, что «холокост был не просто еврейской проблемой и не просто одним из событий одной лишь еврейской истории. Холокост возник и случился в нашем современном обществе, на высшей стадии нашей цивилизации, на пике культурных достижений человечества, и по этой причине это проблема общества, цивилизации и культуры. Самозаживление исторической памяти, которое происходит в сознании современного общества, по этой самой причине гораздо больше, чем просто оскорбление жертв геноцида. Это еще и знак опасной и самоубийственной слепоты... Мыслительные процессы, которые по своей собственной внутренней логике могут привести к проектам геноцида, и технические ресурсы, позволяющие осуществление таких проектов, как оказалось, не только полностью совместимы с современной цивилизацией, но также обусловлены, созданы и обеспечены ею. Холокост не просто не избежал столкновения с социальными нормами и институтами современности. Именно эти нормы и институты сделали холокост реальным. Без современной цивилизации и ее важнейших ключевых достижений не было бы холокоста» [Бауман 2010, 10, 111].

Переход к междисциплинарным и трансдисциплинарным исследованиям имел для социальных наук очень серьезные последствия. Во-первых, обострилось противостояние социологии и социальных наук. Дело в том, что многие социологи пытаются сохранить обособление своей дисциплины от социальных наук, сохранить за социологией специфический предмет изучения (например, общество или социальные институты), они предлагают придерживаться в социологии стратегии построения однородной онтологии, напоминающей онтологию в естественных науках. В этой связи характерна полемика с вашим покорным слугой известного российского социолога А.В. Тихонова. «Есть у меня, — пишет он, — критическое замечание и в адрес понимания социологии со стороны В.М. Розина. Он, например, и в споре с Давыдовым, и в своей последней монографии говорит о социальных теориях как о синониме социологических теорий. На мой взгляд, это чисто философски-методологическая абберация сознания относительно сущности социального и социологического знания. В социологии мы видим, что это две большие разницы, но для философов это не так. Мы, например, объясняем студентам на первом курсе социологического факультета, что такое “социологическое воображение” по Р. Миллсу, как визуально, в быту социологические факты отделяются от социальных, а заодно и то, что ряд так называемых социологических теорий (экзогенетических, типа “Структура социального действия” Т. Парсонса, “Капитализм и современная социологическая теория” Э. Гидденса, “Объект и социальная теория” Н. Смелзера, а также знаменитая четырехтомная “Теоретическая логика и социология” Дж. Александра не относится у нас к социологическим работам. “Они, — как пишет П. Штомпка, — оставаясь без политических и общественных обязательств, становятся или рискуют стать экзотерическим, элитным и эксцентрическим интересом маргинальных ученых. Я бы не рекомендовал их студентам”» [Тихонов 2017, 245]. Другими словами, Тихонов отлучает от социологии не только социальных философов, но и социальных ученых, работающих в рамках трансдисциплинарного подхода. Правда, когда я читал интересную книгу Тихонова «Социология управления» (М., 2007), то воспринимал его самого не как социолога, а как социального ученого и методолога в социологии.

Во-вторых, указанный переход привел к размыванию (если не потере) предмета социологии. Очень точно об этом говорит З. Бауман. В книге «Мыслить социологически» он, анализируя, что изучают другие социальные науки, т.е. их «компетенции», приходит к выводу, что «социология является остаточной дисциплиной, пробавляющейся тем, что остается вне поля зрения других социальных дисциплин» [Бауман 1996, 10]. В целом развитие социальных наук привело к такому пониманию социальной реальности, которое в настоящее время характеризуется категориями *сложности* и частичной *неопределенности*. Возьмем для примера работы Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Й. Шумпетера, Дж. Ритцера. Они показывают, что социальность включает в себя самые разные процессы и планы — экономические, институциональные, политические, психологические, антропологические, географические, наконец, собственно

социологические, причем я перечислил только главные аспекты рассматриваемой этими авторами социальной реальности. С одной стороны, становится трудно, практически невозможно понять, как устроена социальность, настолько она выглядит сложной, с другой — социальная реальность, как в каледоскопе все время поворачивается своими разными сторонами и узорами, причем, сообразить, каким образом они между собой связаны (и связаны ли вообще), практически невозможно.

В-третьих, переход в социальных науках к междисциплинарным и трансдисциплинарным исследованиям привел к разрыву отношения «наука — практика». Спрашивается, какой тип практики соответствует трансдисциплинарным исследованиям, где понадобятся полученные в них знания и схемы: в социальной инженерии, гуманитарных практиках, в современной технологии, и там и там? Если, например, Маркс не скрывал, какой тип практики приведет к приходу социализма (это революция и революционные преобразования как варианты социальной инженерии), то современные социальные мыслители предпочитают вопрос о типе и характере социального действия обходить стороной. И вовсе не потому, что они что-то скрывают, а потому, что не знают, каким образом можно управлять столь сложными социальными явлениями, на многие процессы и механизмы которых человек принципиально не может воздействовать.

Например, в работе «Актуальность холокоста» Бауман ставит своей задачей выявить уроки холокоста, очевидно, чтобы сделать невозможным его повторение. К числу уроков холокоста у Баумана относятся: слабость демократии; сосредоточение власти в руках одного человека или узкой элиты; контроль за обществом со стороны государства; опасность утопических, разделяемых элитой или обществом картин и концепций; создание эффективной социальной машины и институтов подавления и уничтожения евреев и других нежелательных элементов; перерождение в перечисленных условиях нравственности граждан и ряд других моментов. Спрашивается теперь, что с этим можно сделать, что Бауман предлагает? Может быть, развитие демократии, блокирование утопических картин, контроль за государством, подавление элит, преследующих опасные для общества и человека цели, создание новых альтернативных социальных институтов, не допускающих все указанные реалии? Как реалист Бауман понимает, что у общества в настоящее время нет средств и социальных технологий, чтобы изменить все перечисленное, что он описал нормальные социальные процессы и структуры, которые постоянно воспроизводятся, причем иногда даже в таких предельных формах, которые приводят к холокосту или сходным с ним явлениям.

Рассмотрим теперь, каким образом рассмотренная здесь ситуация повлияла на концепции и стратегии социального действия. Первое решение представляет собой концепцию прямого отказа от социальных преобразований в пользу даже не реформ, а всего лишь правильного описания и истолкования социальной реальности. Яркий пример — концепция З. Баумана, слабее эта позиция выражена в теории Латура. С точки зрения Латура, социолог должен своими хорошими отчетами способствовать, помогать рождению коллектива (а становится коллектив сам). «Мы, — пишет Латур, — хотим быть более беспристрастными, чем это возможно в рамках проекта социальной инженерии традиционной социологии, так как заходим гораздо дальше в исследовании разногласий (речь идет, как бы сказал М. Бахтин, о предоставлении голоса самим актерам. — *В.Р.*). Но мы хотим и большего участия... благодаря которому можно помочь по частям собирать коллектив, предоставляя ему арену, форум, пространство, представление благодаря скромнейшему посредничеству рискованного отчета — обычно это хрупкое вмешательство, состоящее только в тексте... Хорошая социология должна быть хорошо написана; если нет, то через нее не откроется социальное» [Латур 2014, 175, 352].

А вот четкие положения Баумана. «Социология, — пишет он, — это расширенный комментарий опыта обыденной жизни, интерпретация, основывающаяся на других интерпретациях и, в свою очередь, питающая их. Она не конкурирует, но соединяет свои силы с другими частными дисциплинами, занимающимися интерпретацией человеческого опыта (литература, искусство, философия). Социологическое мышление,

по меньшей мере, подрывает веру в исключительность и полноту какой бы то ни было интерпретации. Оно привлекает внимание к множественности опытов и форм жизни, показывает каждую из них как целостность саму по себе, как мир со своей собственной логикой и в то же время разоблачает всю фальшь ее самодовольства и якобы явной самодостаточности. Социологическое мышление не затрудняет, а способствует потоку переживаний и их обмену. И если говорить прямо, она прибавляет неопределенности, поскольку подрывает усилия “заморозить поток” и захлопнуть все входы и выходы. С точки зрения власти, озабоченной установленным ею порядком, социология является частью хаотичного мира, скорее проблемой, чем решением. Наилучшая служба, которую социология может сослужить людям в их повседневной жизни и сосуществовании, — это стимулирование взаимного понимания и терпимости как постоянных условий общей свободы... Социологическое мышление помогает делу свободы» [Бауман, 1996, 240–242].

Мы видим, что, по Бауману, хорошая интерпретация социальной реальности — это создание условий для расширения свободы. Но ведь понятно, что саму свободу можно понимать и истолковать по-разному, свобода свободе рознь. Кроме того, на человека в современном мире, где созданы мощные СМИ, оказывают влияние самые разные истолкования социальной реальности, среди которых интерпретации, работающие на свободу, часто выглядят не очень убедительными.

Другой вариант концепции социального действия, реагирующей на ситуацию сложности и частичной неопределенности, представляет собой разработки — организационного шаблона (Scrum) для реализации проектов в соответствии с ценностями и принципами гибкого управления в области IT. «Scrum, — разъясняет М.Цепков, — позволяет достичь успеха в разработке даже не слишком квалифицированной команде за счет внутренней самоорганизации и коммуникации. Или, как минимум, узнать о существенных проблемах проекта на ранних стадиях, а не ближе к завершению... признано, что *тщательное планирование результата и проектирование путей его достижения невозможно*. Традиционный путь проекта был заменен короткими (1–4 недели) итерациями, в каждой из которых создается законченный продукт. Этот продукт демонстрируется разработчиками и оценивается пользователями и заказчиками проекта, что позволяет скорректировать траекторию движения, направить его в нужном направлении, быстро устранить ошибки проектирования. *Ошибок нельзя избежать: опыт показывает, что все проекты являются лишь гипотезами, которые следует проверить как можно быстрее...* Scrum решил проблему невозможности организации процесса, нормированного регламентами в условиях сильно вариативных проектов и задач, а также проблему недостатка компетентных специалистов при быстром развитии технологий. Решение — *объединение всех ключевых специалистов в одну кроссфункциональную команду, которая обладает достаточными компетенциями для выполнения всех необходимых работ*, а если этих компетенций оказывается недостаточно — члены команды коллективно ищут решения проблем и обычно находят» [Цепков 2018].

Идея объединения специалистов в одну кроссфункциональную команду несколько напоминает концепцию построения будущего на основе социальной технологии «форсайт». Разработка этой технологии основывается на двух предположениях. Во-первых, ее последователи считают, что можно создать экспертное сообщество, которое может выработать согласованное представление о будущем. Во-вторых, они предполагают, что если члены этого сообщества, да и все остальные участники, будут жить и действовать, под влиянием выработанного образа будущего, то последнее именно такое и возникнет. Однако оказалось, что в России практически невозможно сформировать экспертное сообщество, которое бы выработало согласованное решение о будущем. «В России, — честно констатируют авторы одного из интересных антропологических проектов форсайт, — проблема экспертного сообщества по-прежнему остается нерешенной, хотя и в нашей стране проект долгосрочного прогнозирования уже развивается на протяжении 5 лет. Для российского экспертного сообщества характерно принятие решений в рамках узких групп влияния, а не в пространстве широкой коммуникативной платформы, количество устойчивых площадок,

центров прогнозирования явно недостаточно. Причины этого можно найти и в ментальности российского экспертного сообщества и в низком уровне инновационной активности российских компаний, однако кажется справедливым предположить, что в России принципиально по-иному выстроены взаимоотношения между научно-технологическим, государственным и бизнес-секторами. Россия в силу своей национальной, государственной, политической экономической специфики не является столь гомогенным обществом с высоким кредитом доверия государству, как Япония, кардинально отличается от Британии, где малый бизнес не так далек от государства, как в нашей стране, и не интегрирована в масштабное единство Европейского пространства, как Германия. Инициатива государства в деле долгосрочного прогнозирования — это то, с чего начинала каждая из этих стран, однако в дальнейшем каждая из них избрала свое направление инновационной деятельности, и логично предполагать, что российский форсайт также должен быть методологически и организационно адаптирован под российский контекст. В противном случае разрыв между теорией и практикой, “верхами” и “низами”, где, по сути, и реализуются рекомендации — результаты форсайта, аннулирует многолетнюю работу и финансовые инвестиции в сбор, анализ и описание возможных сценариев будущего нашей страны» [Новые идентичности человека 2013, 79]. Кроме того, по мере движения к будущему много чего может произойти, что не будет укладываться в выработанную картину будущего.

Но все же есть решение, на мой взгляд, вселяющее надежду. Речь идет о социальном действии, которое опирается, с одной стороны, на разработки отечественной методологии, с другой — на социальное проектирование, с третьей стороны, на идеи социального управления [Голубкова, Розин 2010]. Я буду это решение иллюстрировать материалом проекта «Донор» (Проект «Развитие массового безвозмездного донорства крови» [Розин, Малявина, Грязнова, 2010]), который довольно подробно анализировал.

Начинаются работы в рамках данного типа социального действия (будем условно называть его «социогуманитарным проектированием») именно в поле частичной неопределенности и сложности в плане понимания социальной реальности. Действительно, в нашей стране в самом конце прошлого века сокращалось число доноров (дойдя к 2007 году до 11 человек на 1000 донороспособного населения, в то время как в Европе — 40 ч., а в США — 60 ч. на 1000). Была сформулирована задача реформирования службы крови, причем в ее решении были заинтересованы самые разные субъекты — врачи, министерство здравоохранения, правительство, НКО, общественность. Необходимым условием решения этой задачи выступают *знания особенностей явления* (донорства), которое должно было подлежать реформированию. Но что такое донорство, не просто как добровольная сдача крови, а как предмет реформирования? Не входит ли сюда страх доноров заразиться чем-нибудь на старом оборудовании станций переливания крови, или забвения донором смысла того, что он делает, как спасения других людей. Однако для замены устаревшего оборудования нужны большие финансовые вложения; для возобновления высокого смысла и понимания донорства, нужно, во-первых, преодолеть существующее отрицательное отношение к донорству, во-вторых — представить его для потенциальных доноров в привлекательном виде. Но для решения этих задач, необходим ряд действий, а те, в свою очередь, требуют свои. Таким образом, для решения исходной проблемы необходимо выделить и проанализировать целый ряд социальных явлений и процессов, которые затем нужно организовать и реализовать в социальной действительности. В плане социогуманитарного проектирования речь идет о том, что *нужно было определить основные процессы, подлежащие формированию*. Эти процессы образовывали довольно сложную социальную реальность, причем многие из них были не исследованы.

Решение подобных задач в социогуманитарном проектировании осуществляются на трех этапах. На первом сложность и неопределенность социальной реальности преодолевается за счет проблематизации, ситуационного анализа, использования системного и синергетического подходов, построения методологами и исследователями схем, задающих объект проектирования. Задача этого этапа и состоит именно в построении схемы объекта социогуманитарного проектирования. Конкретно в проекте «Донор» проблематизация и ситуационный анализ позволили выйти на гипотезу, что в данном случае

объектом проектирования выступает новый социальный институт, который необходимо рассматривать тройко: в плане становления, как институт среди других институтов, а также как социальный порядок, включающий такие элементы как миссия, процедуры, материальные и духовные опоры. Кроме того, была построена схема донорства как нового социального института, на основе которой проводились социогуманитарные исследования и разворачивалось социогуманитарное проектирование.

В плане преодоления сложности и частичной неопределенности особо стоит отметить роль постановки проблем. Проблемы – это не только затруднения в мысли, требующие решения, причем нам неизвестны методы решения. Проблема – это также и особое представление ситуации познания (как правило, проблемы формулируются в коммуникации как ответ на решения, с которыми исследователь не согласен), и установка на новую мысль, и личностное истолкование как этой ситуации, так и ее разрешения. Все эти характеристики проблемы работают как эффективное средство выбора в сложном материале, как первые шаги расколдовывания интересующего исследователя и проектировщика феномена.

На втором этапе сложность и неопределенность социальных явлений, заданных схемой объекта проектирования, преодолевается за счет социогуманитарного исследования и практического формирования основных единиц проектируемого объекта и связей между ними. Если иметь в виду наш кейс, то сравнение схемы института донорства с реальным положением дел в этой области показало, что многие элементы, заданные схемой нового института, или отсутствуют, или не удовлетворяют проектным требованиям. Действительно, нужно было создавать новый институт. При этом, как удалось понять в дальнейшем, *процесс институционализации* включал в себя собственно построение *социального института* и процессы *самоорганизации* субъектов и акторов нового института.

Схему института донорства еще нужно было наполнить содержанием, причем содержанием реальным, которое можно было реализовать в поведении людей.

Как известно, управление – это работа, связанная не только с организацией рабочего процесса (производства в широком понимании), но и с людьми. В последнем случае она в значительной степени сводится к *организации, обучению* и нужной управленцу *настройке сознания* специалистов и пользователей. Все эти три вида управленческих воздействий после соответствующих исследований и были реализованы в проекте «Донор». Например, прошли переподготовку и обучение работники станций переливания крови и клиник, существенная работа была проведена с чиновниками органов власти, чтобы сформировать у них правильное отношение к донорству.

Два слова о процессах самоорганизации – второго звена процесса институционализации. Их можно определить, как встречную деятельность субъектов и акторов, происходящую в ответ на построение социального института. Это, во-первых, *подключение к процессу становления донорства других институтов* (они начали активно поставлять новых доноров) и *развертывание активности групп и сообществ самих доноров*. Выяснилось, что многие россияне стремятся к осмысленной социальной деятельности, готовы к социальному служению. Именно этим, например, можно объяснить широкое участие в становлении донорства волонтеров. Многие из них по разным причинам сами не могли стать донорами, но, тем не менее, помогали пропагандировать и организовывать дачу крови.

Третий этап социогуманитарного проектирования представляет реализацию знаний и проектных разработок, созданных на предыдущем этапе. Социальная жизнь в одном из своих сущностных горизонтов – это, по Канту, вещь в себе; простой или сложной она выглядит только в наших схемах и теориях. Может возникнуть вопрос, почему для подтверждения особенностей социогуманитарного проектирования я взял проект «Донор». Во-первых, потому, что он был успешным: люди пошли сдавать кровь, показатели добровольного отбора крови приблизились к мировым. Во-вторых, и это, пожалуй, даже более важно, проект «Донор» был выполнен с использованием самых передовых социальных технологий, включая, как мы отмечали, разработки отечественной методологии (школы Московского методологического кружка).

Анализируя этот проект, я отмечал, что он был успешным еще и потому, что на его разработку были отпущены хорошие средства, что этот проект поддерживал лично Министр здравоохранения и социального развития России Татьяна Голикова (министр с 2007 по 2012 гг.), что удалось собрать квалифицированную команду социальных проектировщиков. Понятно, что перечисленные условия были не стандартными. Однако не должны ли подобные большие проекты всегда обеспечиваться именно такими условиями, и тогда, возможно, проблема сложности и неопределенности нашей социальной реальности во многом перестанет быть столь сложной и неразрешимой.

А в плане познания сложность социальных явлений уменьшилась бы на порядок в том случае, если бы авторы социальных знаний отдавали себе отчет и демонстрировали, на какие вызовы времени и проблемы они отвечали, создавая свои теории, а также какой тип социального действия они имели в виду, желая улучшить жизнь современного человека.

Ссылки – References in Russian

Бауман 1996 – Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Бауман 2010 – Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010.

Голубкова, Розин 2010 – Голубкова Л.Г., Розин В.М. Философия управления. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2010.

Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Новые идентичности человека, 2013 – Новые идентичности человека. / Под ред. С.А. Смирнова. Новосибирск: НГУЭУ, 2013. С. 216–241.

Розин, Малявина, Грязнова 2010 – Розин В.М., Малявина С.А., Грязнова Ю.Б. Социальный проект как один из инструментов управления социальными процессами (на материале проекта «Донор») // Философия управления: проблемы и стратегии. М.: ИФРАН, 2010. С. 169–195.

Розин 2016 – Розин В.М. Обсуждение феномена трансдисциплинарности – событие новой научной революции // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 106–117.

Тихонов 2017 – Тихонов А.В. Зачем спор, если он не ведет к истине? // Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медитации: Раскол в России и медитация как стратегия его преодоления. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 235–246.

Цепков 2018 web – Цепков М. Agile и бирюзовые организации – ответ менеджмента на вызовы новой промышленной революции. Октябрь. 2018. <http://mtsepkov.org/AgileTealOrg-PIRbook>

References

Bauman, Zygmunt (1990) *Thinking sociologically*, Basil Blackwell, Oxford (Russian Translation 1996).

Bauman, Zygmunt (1989) *Modernity and the Holocaust*, Cornell University Press, N.Y. (Russian Translation 2010).

Golubkova, Liudmila, Rozin, Vadim (2010) *Management philosophy*, Perm State Technical University, Yoshkar-Ola (in Russian).

Latour, Bruno (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, Oxford University Press (Russian Translation).

Novye identichnosti cheloveka (2013), ed. S.A. Smimov, NSUEA, Novosibirsk, pp. 216–241 (in Russian)

Rozin, Vadim, Malyavina, Sof'ya, Gryaznova, Yulya (2010) 'Social project as one of the tools for managing social processes (on the material of the "Donor" project)', *Management Philosophy: Problems and Strategies*, IFRAN, Moscow, pp.169–195 (in Russian).

Rozin, Vadim (2016) 'Discussion of the phenomenon of transdisciplinarity – an event of a new scientific revolution', *Voprosy Filosofii*, 2016, N 5, pp. 106–117 (in Russian).

Tikhonov, Aleksandr (2017) 'Why dispute if it does not lead to truth?', Davydov A.P., Rozin V.M. *The debate about meditation: Splitting in Russia and meditation as a strategy to overcome it*, LENAND, Moscow, pp. 235–246 (in Russian).

Tsepkov, Maksim (2018) web *Agile and turquoise organizations are the management's response to the challenges of the new industrial revolution*, October. 2018. <http://mtsepkov.org/AgileTealOrg-PIRbook> (in Russian).

Сведения об авторе

РОЗИН Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

Author's information

ROZIN Vadim M. – DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences